

R. Hutchins, C. Kerr, T. Veblen; it is distinguished the main tasks, ideals and values, that characterized these models.

T. Veblen's ideal University serves the society and provides general development of knowledge. It is research institute for the new social leaders. A. Flexner considers that the ideal University is an elitist research institute, which mission is to influence the society through analysis of the social problems and consulting of the state institutes and different organizations. R. Hutchins describes his ideal University as the center of culture and philosophical thinking. He doesn't observe the research as one of the most important tasks of the University. C. Kerr according to the new philosophy of pragmatism proposes the model of the multiversity which main function is to provide the educational service. In this conception, the student becomes the main user of the educational services and all functions and mission of the University become forming according to his need.

It is formed the features of the new historical type of the University that is developing as:

- the center of the educational services, that acts according to the economical law and connects with the state and private institutes;
- the center of the social transformation which mission is to serve the civilization, society, nation, region and orients at the same time to the all human values and to the national ones;
- professional high school that provides for equal access for all persons interested and high quality professional training on the democratic basis;
- research institute, that provides keeping and growth of knowledge, improvement of the science and innovative development.

Key words: model of the University, ideal of the educated person, mission and tasks of the University, new historical type of the University.

Надійшла до редколегії: 28.03.2014

УДК 1 (091)

Ю.В. Макешина

Днепропетровский институт физической культуры и спорта

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ И ПСИХОАНАЛИЗ: ОБЩЕСТВО VS. СЕМЬЯ.

Социокультурные, философские и психологические подходы для анализа материнства, которые демонстрируют представители феминизма в эпоху постмодернизма, позволяют поставить важные вопросы, которые выходят за рамки темы материнства и позволяют изучить проблемы общественных настроений и культурных изменений относительно данного явления. Однако, исполнение материнских функций женщиной по-прежнему является определяющей характеристикой социальной организации гендера и лежит в основе мужского доминирования. И либеральный феминизм, и феминистский психоанализ утверждают: материнский опыт дает основу для политического сопротивления патриархатному режимам.

Ключевые слова: либерализм, психоанализ, гендер, эпистемология, материнство, доминантность, гендерный конфликт, справедливость.

Постановка проблемы. В 1970-х годах XXв. философы-феминисты подвергли сомнениям либеральную веру в возможность равенства женщин и мужчин. Более того, Э. Джаггар, С. Хардинг, Дж. Скотт и др. исследователи также оспорили феминистскую эмпирическую методологию изучения неравенства и либеральные феминистские рецепты для его преодоления. Таким образом, постсовременная феминистская теория, предложив путь радикального феминизма (А. Дворкин, К. Миллет, Э. Спелман и др.), бросила вызов продолжительной исторической традиции либерального феминизма. В отличие от либералов радикальные феминисты не поддерживают идею стремления женщин к равенству с мужчинами, скорее, они прославляют уникальные женские добродетели, которые обесцениваются в патриархатных обществах.

Психоаналитическая теория также говорит о различиях между мужчинами и женщинами и предлагает «женские способы познания» (К. Джиллиган, С. Раддик, Н. Ноддингс). Все эти подходы так или иначе затрагивают важнейшие теоретические вопросы «оппозиционного мышления»: в данном случае, оппозиции «публичное-частное».

Исследования и публикации. Ученые утверждают, что современные феминистские теории развились на почве исторических традиций феминизма, которые ухо-

дят корнями в XVII и XVIII века и ассоциируются с такими именами, как Кристина Пизанская, Мэри Эстелл, Мэри Уоллстоункрафт, Мэри Монтану, Мария Эджворт и другие. Наказание за отказ следовать гендерным ролям было жестоким для женщин, ломающих процесс нормативности и регулирования того, кем должен стать человек в соответствии с гендерными требованиями, примером чего служит и «скандальная» слава М. Уоллстоункрафт, и не менее «скандальная» история брака леди Монтану [1, с. 112]. В исторической перспективе, безусловно, представляется ключевым изучение тематики и приоритетов произведений женщин-писателей: можно утверждать, что в Англии, например, женская литература уже существовала в XVIIв., принимая во внимание значительные достижения М. Кавендиш, А. Финч, А. Бен. Вопреки распространенному мнению феминизм не возник с Мэри Уоллстоункрафт в XVIIIв. и не был специфически ориентирован на политическое равноправие женщин, хотя политические вопросы имплицитно обозначились с самого начала, действительно открыто привнесенные М. Уоллстоункрафт в 90-х годах XVIIIв. [2]. Но хотя первые провозглашенные требования женщин были направлены, скажем, не на избирательное право, но на освобождение от различного рода ограничений, налагаемых на них моралью и церковью, либеральный феминизм рассматривает вышеупомянутых «феминисток до феминизма» в качестве своих «матерей-учредительниц».

В данном контексте следует подчеркнуть: либеральный феминизм, начиная с Просвещения, глубоко укоренен в Модерне; это, бесспорно, модернистский феминизм, репрезентирующий рационалистский проект эмансипации, вдохновленный идеями французской революции и классически сформулированный Мэри Уоллстоункрафт в её «Защите прав женщины», доказывающей, что у женщины должен быть такой же шанс развивать свои рациональные способности, как и у мужчины.

В целом, либеральный феминизм – это мощная интеллектуальная традиция, которую нельзя недооценивать: большинство реформ, которые принесли пользу женщинам, могут быть приписаны именно либеральному феминизму. Как отмечается, либеральный феминизм в целом полагается на позитивистскую эпистемологию, типичную для аналитических и эмпирических традиций знания, которые зародились в Европе в XVII веке. Эти традиции знания основаны на утверждениях о существовании объективной реальности, независимой от нашего понимания и научно познаваемой беспристрастными наблюдателями, чьи ценности могут остаться за пределами их теоретических изысканий [3]. Либеральные феминистки утверждают, что «знание», поскольку оно не включает знание о женщинах, является предубежденным и необъективным; вместе с тем они верят, что эту проблему можно устранить, включив женщин в рамки существующего знания. Поэтому либерально настроенные феминистки утверждают, что проблема создания «лучшего знания» связана не с самим научным методом, а с его отклонениями от тех направлений, в рамках которых научные теории формировались и развивались [4]. Либеральные феминистки полагают, что препятствия к проявлению женщинами всех их рациональных способностей можно ликвидировать устранением правовых и других барьеров, не признающих за ними таких же прав и возможностей, как и за мужчинами.

Поскольку либеральная традиция, основываясь на концепции индивидуалистической человеческой природы, представляет людей в качестве отдельных рациональных агентов, либеральные феминистки утверждают, что дискриминация лишает женщин равных прав реализовывать свои рациональные интересы.

«Личное есть политическое» – принципиальный постулат феминистской критики либеральной дихотомии «публичное-частное». Исследователи комментируют значение этого принципа следующим образом: «Большинство феминисток девятнадцатого и начала двадцатого века не задавались вопросом о роли женщины в семье и не оспаривали особую женскую роль в ней. Таким образом, хотя они и боролись за то, чтобы уничтожить узаконенное подчинение жен и требовали равных прав для женщин в общественной сфере, в большинстве своем они допускали, что тесная связь женщин с домашней сферой и ответственность за неё являются естественными и неизбежными [5, с. 927].»

Со времен Просвещения главная дилемма феминизма в своем основном виде

остається прежньої і не решеної: 1) існувати з чоловіками на ліберальному шляху до рівності; 2) йти проти чоловіків по радикальному сепаратистському шляху. Останнє знашло відображення в відомих роботах по «гендерній різниці», які мали значний вплив на емпірично налаштованих дослідницьких гендерів. В цілому, суперечливість позиції, визнаючої «двійну роль» жінок, прослідковується в багатьох роботах «другої хвилі» фемінізму.

Мета статті пов'язана з розглядом феномена материнства в межах неklasического і постklasического дискурсів, в цілому, і в теоріях постфемінізму, в частині. В статті передбачається аналіз феномена материнства як одного з ключових феноменів приватної сфери в опозиції «публічне-приватне» в руслі подолання модерністського уявлення про ліберальному фемінізмі і психоаналізі.

Ліберальний фемінізм і психоаналіз як відображення опозиції «публічне-приватне».

Возможно, сьогодні найбільш складним для учених-феміністок є пошук збалансованої позиції в стосунках до того, як врахувати і оцінити досвід жінок і при цьому не відтворити соціально окрашені гендерні ролі. Багато дослідницьких гендерів є послідовницями К. Джилліган, С. Раддик, Н. Чодорю і інших феміністок, чия моральна аргументація є для них особливо важливою. Вище згадані дослідницькі пишуть, що, оглядаючись на недавнє ще минуле, можна побачити, як змінилася роль жінки в виробництві і виробництві, як змінилася і сама сім'я, і роль жінки в ній. Тем не менше виконання материнських функцій жінкою по-прежнему є визначальною характеристикою соціальної організації гендера і, як стверджують учениці-феміністки, лежить в основі виробництва чоловічого домінування (М. Розальдо, Ш. Ортнер, Н. Чодорю). Чоловік теж бере участь в справах сім'ї, але його переважне місце – в публічній сфері. Дослідники підкреслюють: всі системи «пол/гендер» контролюють пол, гендер і дітей. Поділ праці, при якому жінка виконує материнські функції, впливає найбільш помітно на формування дітей [6, с. 17]. Крім того, виробництво материнства, тобто материнського поведіння і стану, починається з стосунків мати-дитина на самому ранньому етапі дитячого розвитку. Психоаналітики підкреслюють важливість раннього стосунку дитини до того, хто за нею доглядає [6, с. 72]. Н. Чодорю стверджує: гендерні відмінності в моральних судженнях формуються в дитячому розвитку, особливо в різних стосунках, які складаються з хлопчиків і дівчаток з їх першим вихователем – матір'ю.

Опираючись на дослідження в області моралі, починаючи з З. Фрейда до Л. Колберга, К. Джилліган в своїй відомій роботі по психологічній теорії і розвитку жінок заперечила заявлення про те, що жінки досягають невисокого рівня морального розвитку, при якому доброта асоціюється з наданням допомоги і задоволенням інших. Дослідниця цікаво, зауважує К. Джилліган, що ці якості, які традиційно характеризують «доброту жінок», є саме тіми, за які жінок вважають морально недорозвиненими [7]. Абстрактні правила, які визначають моральні судження чоловіків, пише К. Джилліган, відображають завершення становлення чоловічої особистості через радикальне відокремлення від матері і підтримку жорстких меж свого «я». Ситуативні принципи, які визначають моральні судження жінок, відображають етап розвитку жіночої особистості через значно менш радикальні форми відокремлення від матері і підтримки емпатических стосунків з іншими.

С. Раддик стверджує в своїй роботі «Материнське мислення», що материнський досвід жінок є основою для політичного опору авторитарним режимам, і наполягає на тому, що роль жінок в підтримці життя представляє собою життєво важливу модель громадянського учасня [8].

Як зауважується, не всі феміністки повністю погоджені з моделлю «матеріалістського мислення», деякі з них відносяться до цієї моделі дуже скептично. «Мейнстрім» феміністських дискусій йшов в руслі критики скептицизму деяких учених в стосунках до будь-яких зусиль переглянути традиційну роль

женщин в семье. В то же время бесспорным представляется утверждение: мы рассуждаем о материнстве в «эпоху выбора» [8], мы размышляем о семье в контексте трансформирующейся экономической и политической реальности. «Выбор» работает идеологически, риторически, политически с одной общей целью: усилить партикулярное понимание особенностей культурных изменений.

Материнство как философский, социальный, политический концепт связан с множеством аспектов нашего общества, поскольку именно материнство полагается главной характеристикой половой/гендерной системы. И, как указывают исследовательницы гендера, анализ материнства невозможен вне психоаналитической теории. Например: то, что женщины обращаются к детям для заполнения «треугольника отношений» или для воссоздания единства матери и ребенка, означает, что материнство инвестируется конфликтной, амбивалентной, но мощной потребностью матери в её собственной матери. То, что женщины обращаются к детям для удовлетворения тех эмоциональных желаний, на которые не ответили мужчины, означает, что мать ожидает от ребенка того, что можно ожидать только от другого взрослого человека, и т.д. Безусловно, психологи и психоаналитики рассматривают проблемы, которые, как представляется, не менее важны, чем анализ полового разделения труда или гендерного неравенства.

Обращаясь к гендерным отношениям в семье – отношениям между родителями и детьми, ученые замечают, что гендерные роли матери и отца по отношению к детям существенно различаются в стилях поведения матери и отца, различиях стиля поведения по отношению к сыну или дочери, демонстрации в поведении гендерно-типичных черт своего пола (Э. Маккоби).

Различия между женщинами и мужчинами обнаруживаются в использовании инструментального (мужчины) или экспрессивного (женщины) лидерского стиля (здесь необходимо вспомнить теорию половых поведенческих стилей Т. Парсонса и Р. Бейлза), в степени грубого физического взаимодействия, в различной чувствительности к проявлению эмоций у детей, в проявлении либо взаимности, либо властной асертивности при предъявлении требований, в конфронтации и дисциплине, в обучении и информировании детей [9, с. 320].

Ученые указывают: если мужчины превосходят женщин по проявлению прямой физической агрессии, то женщины – по скрытой вербальной агрессии. Отмечается, что хотя в исследованиях было установлено превосходство мужчин над женщинами по доминантности и асертивности, девочки и женщины тем не менее не являются более «подчиненным» полом, проявляя контрдоминантность. И такое сочетание личностных черт у мужчин и женщин может вести к гендерным конфликтам, в том числе – в семье. Мальчики и девочки прибегают к разным манипулятивным стратегиям (макиавеллизм): первые используют прямое принуждение, вторые действуют более тонко. Большая эмоциональность женщин, связанная с одним из наиболее устойчивых и распространенных гендерных стереотипов, также может ассоциироваться с конфликтогенностью. Однако в исследованиях было установлено, что «мужские» гнев, агрессия и презрение, так же как и «женские» печаль, страх и тревога, могут одинаково осложнять взаимопонимание между полами в конфликтной ситуации как в семье, так и в социуме [9, с. 326]. Предпочитаемые способы разрешения конфликта также, как отмечается, гендерно маркированы. Женщины выбирают те стратегии, которые способствуют сохранению существующих взаимоотношений, а не достижению личных целей (делку, компромисс, уменьшение враждебности). Мужчины же используют давление и стараются доминировать над партнером, чтобы добиться своего (С. Кросс, Л. Мэдсон и др.). Замечается, что в этом плане мужчины и женщины оказались похожими на представителей соответственно восточной коллективистской и западной индивидуалистической культур. Американские психологи С. Кросс и Л. Мэдсон объясняют эти данные наличием различных «Я»-концепций у женщин и мужчин: у первых она «взаимозависимая», у последних «независимая», когда взаимоотношения с другими людьми служат лишь средством к достижению индивидуалистических целей.

Гендерные отношения супругов в процессе выполнения ими родительских ролей

зависят от того, какой стратегии они придерживаются. В исследованиях было установлено, что отцы в два раза чаще поддерживают мать, чем наоборот. Возможно, это связано с тем, что супруг считает, что она более компетентна и делает все правильно. Существуют и другие стратегии взаимодействия супругов при воспитании детей, например: отец использует ребенка, чтобы показать свою власть и превосходство над женой; мать тайком разрушает влияние отца на ребенка; родители имеют в виду разные цели при воздействии на ребенка [9, с. 324]. Эти разные стратегии порождают различные типы гендерных отношений как между супругами, так и между родителями и детьми.

Подобные гендерные исследования в конце XX в. стали широко использоваться в подходах к анализу политических или стратегических проблем. Сегодня феминистская критика политического реализма, государства, дискурса, национальной безопасности является важной составляющей гендерного анализа (Дж. Э. Тикнер и др.). К. Джиллиган полагает, что у женщин и мужчин существуют разное понимание нравственности и разные способы её обоснования. По известной шкале Л. Кольберга женщины редко достигают шестой или высшей стадии связи с универсальными абстрактными принципами справедливости, но скорее являются примером третьей стадии – нравственного удовлетворения, выраженного в терминах межличностных соглашений, доставляющих удовольствие их участникам [10, с. 55]. Вопреки Л. Кольбергу К. Джиллиган утверждает, что у женщин не менее развито чувство справедливости, чем у мужчин. Нравственный выбор у женщин производится не на основе универсальных этических установок, но проистекает из альтернатив, возникающих в конкретных контекстах.

Выводы. Психоаналитический феминизм подвержен критике за свой эссенциализм, за представления о женщинах «вообще» как о категории, не дифференцируемой во времени или в рамках принадлежности к определенному классу, расе, этносу, культуре. Нельзя не отметить, что, выделяя и подчеркивая «женские» качества, можно скорее увековечить, чем преодолеть маргинализацию женщин. Тем не менее этот подход предложил точки зрения, которые затем были усовершенствованы и включены в другие, в том числе и постлиберальные, подходы (например, вербальная доминантность и асептивность, явная и скрытая агрессия, манипулятивные стратегии и т.д.). Представляется очевидным, что хотя определения феминности и маскулинности как форм гендерных отношений вариативны в различных культурах, они почти всегда не сбалансированы. Несмотря на то, что гендер часто рассматривают в связи с семьей и домашним хозяйством, исследователи постлиберальной ориентации (Дж. Скотт, Дж. Флекс, С. Хардинг) доказывают, что он вырабатывается в структурах экономики и политики посредством различных институциональных структур, которые обладают эффектом «натурализации» женщин.

Новейшие феминистские работы, которые рассматривают проблемы семьи, культуры, расы и класса, все больше подчеркивают отношения гендера и власти [11]: гендер в структурном смысле выступает как непосредственный способ обозначения отношения к власти не только в публичной, но и в частной сфере.

Библиографические ссылки

1. Власова Т.И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии / Т.И. Власова. – К.: Генеза, 2006. – 296с.
2. Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman / M. Wollstonecraft. – L. : Penguin, 1975. – 340p.
3. Пшинько А.Н. Познание и рациональность в культуре постмодерна / А.Н. Пшинько, Т.И. Власова. – Дн-вск: Изд-во Маковецкий, 2012. – 152с.
4. Женщины, познание и реальность. – М. : РОССПЭН, 2005. – 440с.
5. Оукин С.М. Гендер: публичное и приватное / С.М. Оукин // Гендерная реконструкция политических систем. – СПб. : Алетейя, 2004. – С. 920–945.
6. Чодороу Н. Воспроизводство материнства / Н. Чодороу. – М. : РОССПЭН, 2006. – 496с.
7. Jilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development / C. Jilligan. – Harvard University Press, 1993. – 216p.
8. Contemplating Maternity in an Era of Choice / ed. S. Hayden. – N. Y. : Lexington Books, 2010. – 356p.
9. Бендас Т.В. Гендерная психология / Т.В. Бендас. – СПб. : Питер, 2005. – 431с.

10. Тикнер Дж. Э. Мировая политика с гендерных позиций / Дж. Э. Тикнер. – М. : Культурная революция, 2006. – 336с.

11. Журнал исследований социальной политики. – Т. 10. – № 3, 2012. – 430с.

Макешина Ю.В. Ліберальний фемінізм і психоаналіз: суспільство VS. сім'я.

Соціокультурні, філософські і психологічні підходи до аналізу материнства, що демонструють представники фемінізму в епоху постмодернізму, дозволяють ставити важливі питання, які виходять за межі теми материнства і дозволяють вивчити проблеми суспільних настроїв і культурних змін щодо даного явища. Однак, виконання материнських функцій жінкою як і раніше є визначальною характеристикою соціальної організації гендера і підлягає основі чоловічого домінування. І ліберальний фемінізм, і феміністський психоаналіз стверджують: материнський досвід дає основу для політичного спротиву патріархального режиму.

Ключові слова: лібералізм, психоаналіз, гендер, епістемологія, материнство, домінантність, гендерний конфлікт, справедливість.

Mackeshina J. Liberal feminism and psychoanalysis: society VS. family.

Feminism's position in the current gender studies highlights the artificially constructed debate between «liberal feminism» and «feminist psycho-analysis». In a way this debate has served to divide liberal (modernist) feminism from radical (postmodern) feminism.

Liberal feminism is a rationalistic project of emancipation, classically formulated by M. Wollstonecraft's «Vindication of the Rights of Woman» in 1792. Wollstonecraft and her followers claimed that the rights of men could be extended to women without causing large-scale disruption of the existing social institutions. Feminism since Wollstonecraft has faced the dilemma that is still unresolved: either coexist with men on the liberal route to egalitarianism or come out against men on a radical separatist route. It is necessary to stress that liberal feminism is a mighty intellectual traditions and a lot of positive gender reforms have been possible thanks to it. «The body», the psychoanalyst approach to gender is usually taken as irrelevant to liberalism in particular and philosophy, in general. In reaction to this idea feminists have begun to explore embodiment as a relevant site of difference between the sexes along with Lacan feminist thought (Kristeva, Ruddich, Chodorow). Gender research has included an orientation of ethical thinking towards an ethics grounded in maternal thinking (Ruddich), and directed towards an ethics of care (Jilligan). One of the principal elements of this orientation is the emphasis on our caring connection with others and against the liberal ideal of the rationalistic Cartesian thinker. The important issue in this agenda is the idea that the networks that constitute our relations both in the public and in the private spheres constitute our identities, and taking seriously our responsibility to others (maternal responsibility is of paramount significance here) thus also contributes to the very notions of our identities. C. Jilligan claims that men and women have different understanding of justice. According to L. Kohlberg's scale of moral development women do not as a rule achieve the sixth stage of the connection with the universal abstract principles of justice. Jilligan proves that women have the development sense of justice; she adds that Kohlberg's definition of the stages of moral development is biased toward the «conventions of logic». Jilligan's work alongside with the research of Ruddich, Noddings and others, contested the ground of debates over biological and psychological essentialism, the exclusionary politics of feminist theory included. The psychoanalytical approaches have been criticised mainly for their neglect of the important interrelation of race, class, sexuality and gender. Now the demand is evident both for the liberal feminism and feminist psychoanalysis: we need to balance feminist demands for equality with a recognition of differences not only between the sexes but also among women who are differently raced and classed.

Key words: liberalism, psychoanalysis, gender, epistemology, maternity, dominance, gender conflict, justice.

Надійшла до редколегії: 26.03.2014

УДК 130.2

В. С. Микольченко

Криворізький національний університет

ОСОБЛИВОСТІ УКРАЇНСЬКОЇ МЕНТАЛЬНОСТІ ЯК ПІДҐРУНТЯ ВИБОРУ МІЖ VITA MINIMA TA VITA HEROICA

Досліджується особливість менталітету українців як основного підґрунтя формування феномену національного героїзму. Спираючись на дослідження О. Кульчицького, проведено аналіз розвитку героїчної особистості від *vita minima* до *vita heroica*. Зроблена спроба вироблення позитивного бачення героїзму у вітчизняному соціокультурному просторі.

Ключові слова: героїзм, герой, героїчне, феномен героїзму.